

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

ПОТЕРЯ ПАМЯТИ

Сергей Патрушев

Потеря памяти

<https://litres.ru/74650988>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс очнулся от ледяной пощёчины аристократки, но шёпот Беллы о «холодном мире» оказался не метафорой, а диагнозом. Пытаясь сбежать от навязанной судьбы инженера, он находит спасение в штормовом море с другом Рейком, где понимает: дружба — это тоже магия. Но память ненадежный союзник.

За фасадом воспоминаний скрывается страшная правда: Алекс — не человек, а «Ковчег», сшитый из душ пылающего пироманта, ледяной королевы и золотой ведьмы. Белла не просто отвергла его — она пыталась его «отформатировать», утопив в иллюзиях. Теперь, проснувшиеся матрицы начинают войну за его тело, а за окном уже слышен шёпот: «Ты вспомнил не всё».

Содержание

Глава 1. Пробуждение в тумане	4
Глава 2. Тёплый свет трактира	19
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Патрушев

Потеря памяти

Глава 1. Пробуждение в тумане

Первое, что вернулось к Алексу, был запах. Не резкий, бьющий в ноздри, а густой, обволакивающий, горьковато-сладкий. Полынь. Она пахла осенними степями, забытыми проселочными дорогами и чем-то ещё, глубоко спрятанным в подкорке. Запахом пахнущее сиренью и крыжовником беды, которую уже не предотвратить.

Он лежал на спине, чувствуя под лопатками жёсткую, неровную поверхность. Не пружинный матрас, а что-то деревянное, с занозами, впивающимися в кожу сквозь тонкую ткань рубашки. Пахло не только полынью. К ней примешивался запах сырой извести, остывшего угля и старой, слежавшейся пыли.

Алекс открыл глаза.

Темнота не была абсолютной. Сквозь плотную пелену тумана, застрявшего между ним и потолком, пробивался тусклый, мертвенно-серый свет. Он не падал сверху, от окна или лампы, а словно сочился прямо из каменной кладки, делая видимыми лишь ближайшие предметы. Прямо над его лицом нависала массивная балка, покрытая глубокими чёрными

ми трещинами. Древесина выглядела такой старой, что казалась окаменевшей.

Он попытался сесть. Мышцы отозвались тупой, ноющей болью, словно он проспал не восемь часов, а пролежал в анабиозе неделю. Шея затекла, в горле першило. Алекс спустил ноги с лежанки и нащупал ледяной пол. Камень.

Комната была маленькой, квадратов на десять. Стены из грубого серого камня сходились под странными, неестественными углами, создавая ощущение оптической иллюзии. В дальнем углу виднелась узкая щель. То ли дверь без ручки, то ли просто трещина в скале. Никакой мебели, кроме низкой деревянной лежанки, на которой он очнулся.

Алекс опустил взгляд на себя. Дешёвые офисные брюки цвета мокрого асфальта, на правом колене едва заметное пятно от пролитого кофе. Рубашка в синюю клетку, верхние пуговицы расстёгнуты. На левом запястье — часы. Механические, с треснувшим минеральным стеклом. Стрелки замерли на отметке 14:40. Он поднёс часы к уху — мёртвая тишина. Заводная головка была на месте, механизм не сорван. Они просто остановились.

Он ощупал карманы. Пусто. Ни телефона, ни бумажника. Ни даже скомканного чека из кофейни, который он вечно забывал выбрасывать. Кто-то аккуратно, профессионально его выпотрошил, не оставив даже случайно завалявшейся монетки.

«Так, соберись, — приказал он себе, растирая лицо ледя-

ными ладонями. — Паника — это кислород для безумия. Думай. Последнее воспоминание».

Он закрыл глаза, пытаясь пробиться сквозь плотную, ватную стену в собственной голове. Голова раскалывалась. Боль была пульсирующей, сосредоточенной в затылке и правом виске, отдавая тупыми иглами за глазное яблоко.

Офис. Первым всплыл флуоресцентный свет, бьющий прямо в макушку. Ряды одинаковых столов, разделённых серыми перегородками. Монотонное гудение системных блоков. Запах дешёвого пластика. Его стол. Монитор, на котором вечно висела незакрытая таблица Excel с квартальным отчётом. Графики, ползущие вниз, красные цифры убытков. Начальник отдела, Илья Борисович, с его вечно лоснящимся лицом и привычкой нависать сзади, дыша в затылок смесью мятной жвачки и вчерашнего перегара. — Алекс, ты понимаешь, что мы горим? — прошипел Илья Борисович, и Алекс почти физически ощутил его дыхание на своей шее. — Если ты не закроешь сделку с «Вектором» до пятницы, ты пойдёшь гореть вместе с нами. На улицу. Без рекомендаций. Сделка с «Вектором». Он помнил этот день. Бесконечные звонки, фальшивые улыбки, попытки продать корпоративный софт людям, которым он был нужен как рыбе зонтик. Ложь, завернутая в обертку «оптимизации бизнес-процессов».

Затем лифт. Зеркальная кабина, в которой он смотрел на своё осунувшееся, серое лицо. Тридцать два года, а выгля-

дит на сорок пять. Тёмные круги под глазами, сеточка морщин в уголках глаз от вечного прищуривания у монитора. Он вышел на парковку. Вспышка. Нет, не вспышка. Это фары. Дальний свет, бьющий прямо в глаза, заставивший его зажмуриться и поднять руку.

Визг тормозов? Нет, машина остановилась бесшумно. Слишком бесшумно для старого седана. Дверь открылась. И здесь память давала сбой. Словно кто-то взял ластик и стёр кусок аудиодорожки. Образ расплывался. Тёмный силуэт на фоне слепящих фар. Хлопок двери. Запах стал нестерпимым, смешиваясь с металлическим привкусом крови во рту. Алекс с силой сжал виски пальцами. «Обрывки. Ты сказал — обрывки».

Лицо. Женское. Бланш. Имя вспыхнуло в сознании не как воспоминание, а как выжженное клеймо. Бланш. Он не знал ни одной женщины с таким именем. В его окружении сплошные Светы, Кати и Оли, коллеги из бухгалтерии и маркетинга.

Бланш — это что-то из французской классики, из романов, которые он читал в студенчестве, прячась от реальности в выдуманных мирах. Её лицо было бледным, почти прозрачным, с высокими скулами. Глаза огромные, тёмные, в которых не было зрачков, только сплошная, бархатная ночь. Она смотрела на него не с жалостью и не с угрозой, а с бесконечным, всепрощающим пониманием. Так смотрят на безнадёжно больного, сообщая ему, что обезболивающее закон-

чилось. «Ты сам выбрал эту клетку, Алекс», — произнесла она, но звука не было. Он просто знал, что она это говорит. Её губы не шевелились.

Другое лицо. Мужское. Олег. Этот образ был резким, вырубленным из камня. Жёсткая линия челюсти, шрам, пересекающий левую бровь, глаза цвета каленой стали. Олег не говорил ничего. Он просто стоял в тени арки, скрестив руки на груди, и смотрел, как Алекс проходит мимо, не замечая его. Но Алекс его заметил.

В воспоминании он почувствовал на себе этот тяжёлый, оценивающий взгляд, от которого по спине пробежал холодок. Пиромант. Слово пришло само, ниоткуда, и Алекс не понимал его значения, но оно идеально ложилось на этот образ. Человек, несущий в себе скрытый, тлеющий огонь разрушения.

Третье. Анна. Холод. От этого воспоминания его бросило в дрожь, хотя в каменном мешке было не так уж и холодно. Анна стояла на мосту, облокотившись на чугунные перила. Длинное серое пальто, волосы цвета воронова крыла, стянутые в тугий узел на затылке.

Она смотрела на чёрную воду реки, и от её фигуры веяло таким абсолютным, космическим холодом, что замерзали даже птицы на проводах. Ледяная ведьма. Снова слово из ниоткуда. Она знала, что он смотрит на неё, но даже не повернула головы. В её позе было столько окончательности, столько застывшего во времени горя, что Алексу захотелось

закричать, чтобы просто разбить эту ледяную корку.

Фрагменты сталкивались, как льдины во время ледохода, не желая складываться в единую картину. Офис, сделка, фары, Бланш, Олег, Анна. Между ними чёрная пустота, заполненная лишь звоном в ушах.

Алекс снова открыл глаза и обвёл взглядом комнату. Камень дышал. Он прислонил ладонь к стене и почувствовал едва уловимую вибрацию. Это не было игрой воображения или пульсацией крови в пальцах. Стена жила. Где-то глубоко внутри горы или под фундаментом этого здания работал огромный, древний механизм. Ритм был медленным, тяжёлым: вдох... пауза... выдох. Словно билось сердце спящего левиафана.

Он подошёл к щели в углу. Провёл пальцами по краю. Камень здесь был гладким, оплавленным, словно его вырезали не зубилом, а гигантской раскалённой иглой. За щелью не было темноты. Там клубился тот же самый туман, что заполнял комнату, но более плотный, почти осязаемый. Он медленно перетекал через порог, словно густая молочная река.

Алекс принялся. К пыли и пылинкам здесь примешивался ещё один запах. Тот самый, с парковки. Запах перед грозой.

— Эй! — крикнул он. Голос прозвучал жалко, хрипло, и тут же завяз в тумане, не породив эха. — Есть кто-нибудь? Я ничего не помню!

Туман ответил ему. Он не издал звука, но изменил форму. Серые клубы на мгновение сгустились в человеческий силу-

эт прямо перед его лицом. У силуэта не было черт, только намёк на плечи, голову, пустые глазницы. Алекс отшатнулся, больно ударившись локтём о каменный выступ. Когда он снова посмотрел на щель, там была лишь глухая стена. Никаких проходов.

Галлюцинация. От удара головой. Или от нехватки кислорода. Он задержал дыхание, считая до тридцати, затем резко выдохнул и сделал глубокий вдох. Запах полыни стал ещё сильнее, почти невыносимым.

«Собери факты», — скомандовал он себе, пытаясь включить привычный аналитический аппарат, который годами служил ему в офисе.

Факт первый: он не дома. Второй: его вещи изъяли. Третий: у него частичная амнезия, вызванная, скорее всего, травмой головы. Четвёртый: он слышит запахи, которых нет, и видит мимолетные галлюцинации. Пятый: он чувствует, что за ним наблюдают.

Последнее было не мыслью, а физическим ощущением. Оно не покидало его с того момента, как он пришел в сознание. Лёгкое покалывание на затылке, чувство чужого тепла на коже, едва заметное искажение пространства за спиной. Он резко обернулся.

Пусто. Только лежанка, камень и ползущий по полу туман.

Но ощущение не исчезло. Наоборот, оно сгустилось, сконцентрировалось в одной точке — прямо над его левым пле-

чом. — Я знаю, что ты здесь, — сказал Алекс в пустоту. — Выходи.

Он не ожидал ответа. Просто хотел разорвать эту невыносимую тишину, в которой стук его собственного сердца казался громом.

— Ты не можешь здесь находиться, — ответил голос.

Он не был громким. Не звучал ниоткуда. Слова просто возникли внутри черепной коробки Алекса, минуя барабанные перепонки. Чистый, лишённый пола и возраста, бесконечно спокойный голос.

Алекс развернулся на пятках, принимая защитную стойку, вбитую в него давним опытом школьных драк. Сжатые кулаки, ноги на ширине плеч.

В центре комнаты, прямо в сгустке тумана, проступила фигура. Она не вышла из стены и не спустилась с потолка. Просто стала плотной. Сначала обозначился контур длинного, до пола, одеяния из чего-то, похожего на переплетённые сухие травы и пепел. Затем руки, сложенные на груди. И только в последнюю очередь лицо.

У него не было возраста. На первый взгляд это был старик с длинной седой бородой, но стоило моргнуть и перед ним стоял юноша с гладкой кожей. Глаза существа были самым страшным — в них не было белков и зрачков, только переливающаяся, как бензин на воде, тьма, в которой медленно вращались крошечные галактики.

— Кто ты? — хрипло спросил Алекс. Язык едва ворочался

во рту.

— Я — смотритель порога, — ответил голос в голове. — А ты — ошибка, Алекс. Сбой в системе.

— Какой системе? Где я? Что это за место?

— Это не место. Это межа. Точка расхождения. Ты застрял между тем, кем был, и тем, кем отказался стать.

Слова били наотмашь, но они странным образом объясняли ту липкую тревогу, которая преследовала Алекса последние годы в офисе. Ощущение, что он живёт не свою жизнь. Что он актер, играющий роль усредненного менеджера в обычном офисе, забывший выучить текст.

— Я не отказывался! — возмутился Алекс. — Я просто... живу. Работаю. Как все.

— Как все, — повторило существо, и в его интонации прозвучала брезгливая жалость. — Ты похоронил свой дар под слоем корпоративной пыли. Обменял вечность на квартальную премию. Позволил страху превратить тебя в функцию.

— Какой дар? О чем ты говоришь? Я умею делать сводные таблицы и пить растворимый кофе!

Существо медленно подняло руку. На его ладони не было ладони. Там пульсировал сгусток того самого тумана, но золотистого, светящегося изнутри.

— Чтобы вспомнить себя, придётся заново пережить прошлое, — произнесло оно. — Но не так, как ты его помнишь. Не как череду унылых понедельников. Тебе придётся увидеть швы, где реальность была сшита грубой ниткой, чтобы

ты не смотрел в пустоту.

— Я не понимаю.

— Ты и не должен. Пока.

Существо сделало шаг вперёд. Туман в комнате пришёл в движение, закручиваясь вокруг его ног воронкой. Каменный пол под босыми ступнями Алекса стал прозрачным. Алекс отшатнулся, но уперся спиной в холодную стену. Сквозь камень он увидел...

Снова сидел за своим столом. Тот же Excel и красные цифры. Но теперь он видел это со стороны, глазами птицы, зависшей под потолком. Видел себя ссутулившегося, с напряженными желваками. А рядом, прямо сквозь монитор, сквозь голову Ильи Борисовича, проходила тонкая, едва заметная трещина. Словно мир был старым фарфором, покрытым сеткой кракелюра.

В эту трещину дул ветер. Оттуда пахло не дешёвым кофе, а полынью и свободой.

Илья Борисович что-то говорил, брызгая слюной, но звука не было. За его спиной, в стене офиса, прорисовывалась арка. Древняя, сложенная из грубого серого камня, точь-в-точь как стены комнаты, в которой Алекс очнулся. В арке стояла Бланш. В реальном воспоминании её там не было. Алекс был уверен в этом. Он бы запомнил женщину, похожую на призрак, в опен-спейсе на пятом этаже бизнес-центра.

Значит, существо право. Его память подделка. Муляж, созданный, чтобы он не сошел с ума от несоответствия формы

и содержания.

Бланш в его видении-прозрении подняла руку и коснулась пальцами трещины в реальности. Раздался беззвучный звон, как от лопнувшей струны. Трещина пошла дальше, змеясь по линолеуму, столам, лицам коллег. Люди начали рассыпаться. Они не умирали, просто осыпались серым пеплом, обнажая под собой такие же каменные стены, туманы и арки. Весь его офис, вся его жизнь оказалась гигантским, плохо нарисованным театральным задником.

— Нет! — закричал Алекс, закрывая лицо руками. — Хватит! Верни!

Он открыл глаза. Снова стоял в каменной комнате. Смотритель порога никуда не исчезал. Его галактические глаза смотрели на Алекса с бесконечным терпением.

— Ты сам попросил об этом, когда остановился, — прошелестело в голове. — Ты дошёл до края своей клетки и уперся в прутья. Ты позвал. Мы лишь ответили.

— Я ничего не звал! Я просто хотел закрыть сделку! — Ты хотел, чтобы боль прекратилась. А боль — это единственный компас, который ведёт к правде.

Смотритель сжал кулак. Золотистый туман на его ладони вспыхнул и втянулся обратно в его тело.

— Твой первый шаг начнётся сейчас. Туман проводит тебя. Но помни: враги, которых ты встретишь, будут одеты в лица твоих друзей. А замки, которые тебе предстоит строить, придётся возводить из собственных костей.

— Замки? Враги? — Алекс почувствовал, как паника сменяется ледяным, звенящим отчаянием. — Я офисный планктон! Не умею строить замки! Умею писать служебные записки!

— Именно поэтому ты здесь, — ответил Смотритель. — Твоя бесполезность в старом мире делает тебя чистым листом в новом.

Он щелкнул пальцами.

Каменная щель в углу с оглушительным скрежетом разошлась, открывая проход. Оттуда пахнуло ледяным ветром и гарью. Туман из комнаты, словно послушный пёс, потёк в этот проём густой, плотной струей.

— Иди, — велел голос в голове. — Элей ждёт тебя.

Элей. Третье имя. Не Бланш, не Олег. Элей. Оно отозвалось в груди Алекса не страхом, а странным, болезненным узнаванием, словно он коснулся языком больного зуба.

— Кто такой Элей? — выдохнул Алекс.

Но Смотритель порога уже начал таять. Его фигура распалась на серые хлопья, которые подхватывал ветер из прохода. Через секунду в комнате остался только запах полыни, остановившиеся часы на запястье и оглушительная тишина.

Алекс стоял перед чёрным провалом. Каменный пол под ногами казался единственным островком реальности в сошедшем с ума мире. Сделать шаг в туман означало признать, что офиса никогда не существовало. Что Илья Борисович, квартальные отчёты и растворимый кофе были лишь сном,

навешанным метафизической сущностью. Это означало сжечь все мосты, включая тот, на котором он сейчас стоял.

Посмотрел на свои руки. Обычные руки. Короткие ногти, на подушечках старые мозоли от турника в школьном дворе, бледная кожа. Никаких магических символов, никакой светящейся крови.

«Чтобы вспомнить себя, придётся заново пережить прошлое».

Алекс сделал шаг.

Туман принял его. Он был не влажным и не холодным. Был густым, как жидкое стекло, и обволакивал тело, проникая под одежду, в лёгкие, под кожу. Звуки отрезало мгновенно. Он не слышал ни стука своего сердца, ни хруста мелких камней под ногами. Абсолютная, ватная глухота.

Шёл, выставив руки вперёд. Десять шагов. Двадцать. Каменная комната давно скрылась за спиной, но темнота не рассеивалась.

Внезапно туман поредел. Алекс оказался на краю огромного плато. Под ним, насколько хватало глаз, простиралась бездна, заполненная клубящимся серебром. Над головой пылало не солнце. Там висел гигантский, пульсирующий фиолетовый кристалл, заливающий пейзаж мертвенным, призрачным светом.

А прямо перед ним, в десяти метрах, начиналось строительство.

Сотни людей или существ, похожих на людей тащили глы-

бы серого камня. Они двигались медленно, механически, их лица были скрыты капюшонами. Воздух дрожал от напряжения. На краю плато, спиной к Алексу, стояла фигура. Она не носила камней. Просто стояла и смотрела в бездну, и от её неподвижности воздух вокруг казался твёрдым. Фигура медленно повернулась.

Это была не Бланш, не Олег. Это был он сам. Точная копия Алекса, но старше лет на десять. Лицо двойника было изрезано глубокими морщинами, глаза светились тем же фиолетовым светом, что и кристалл в небе, а в руках он держал не камень, а кусок чистого, первородного огня.

— Наконец-то, — сказал двойник голосом, в котором смешались хруст битого стекла и шелест осенних листьев. — Я ждался. Нам нужно достроить замок до заката. Враги уже у ворот.

— Каких ворот? — прошептал Алекс, чувствуя, как реальность снова даёт трещину, на этот раз прямо под его ногами. — Я не строитель. Я...

— Ты — герцог, — перебил его двойник. — А я — это ты, если бы ты не струсил десять лет назад. Познакомься с твоим прошлым, которое ты так старательно пытался забыть.

Двойник протянул руку, в которой билось живое пламя. Алекс посмотрел на свою ладонь. Она больше не была бледной. Кожа на ней начала медленно наливаться тем же фиолетовым свечением.

Запах полыни стал невыносимым, забивая ноздри, оседая

на языке пеплом. Алекс сделал шаг навстречу двойнику и взял протянутую руку. Пламя не обожгло. Оно вошло в его плоть ледяной иглой, выжигая последние остатки памяти об Excel, парковке и растворимом кофе.

Туман за его спиной сомкнулся, навсегда отрезая путь назад. Первая глава его новой жизни, сотканная из пепла старой, началась.

Глава 2. Тёплый свет трактира

Ледяная игла пламени, вошедшая в ладонь, не жгла плоть. Она жгла память. Боль от удара головой в каменной комнате показалась Алексу детской щекоткой по сравнению с тем, что происходило сейчас. Фиолетовый свет плато, двойник с лицом, похожим на потрескавшуюся глину, и бездна, пахнущая чернотой — всё это схлопнулось, как лопнувший мыльный пузырь.

Мир вывернулся наизнанку.

На секунду Алекс ослеп. В ушах стоял невыносимый, высокочастотный звон, словно лопнула струна гигантской арфы. Запах полыни и гари сменился густым, тяжёлым духом жареного лука, кислого дешёвого эля, мокрой псины и немых человеческих тел. Звон оборвался так же резко, как и начался, и на смену ему пришёл гул.

Живая, пульсирующая, многоголосая стена звука.

Алекс открыл глаза.

Он больше не стоял на краю метафизической пропасти. Он сидел за грубо сколоченным деревянным столом. Под его локтем была липкая, исцарапанная столешница, покрытая кругами от сотен кружек и следами от ножей. Ноги в дешёвых офисных ботинках упирались в щербатый каменный пол, присыпанный свежей соломой и сором.

Он был одет иначе. Вместо рубашки в клетку — плотная

льняная туника бурого цвета, поверх которой надета потёртая кожаная безрукавка. На поясе висел тяжелый кошель, набитый чем-то металлическим, впивающийся в бедро при каждом движении.

Его руки. Он посмотрел на свои ладони. Мозоли от турника исчезли. Пальцы стали грубее, ногти чёрными от въевшейся грязи, на костяшках сбитой правой руки наливался свежий синяк. Это были руки человека, который привык не стучать по клавиатуре, а сжимать рукоять меча или лопату.

— Эй, соня! — гаркнули прямо над ухом. — Ты эль заказывал или будешь дальше храпеть в пену?

Алекс вздрогнул и поднял голову. Над ним нависала гора. Человек-гора, метра под два ростом, с широченными плечами, которые едва не задевали низкие потолочные балки трактира. Лицо покрывала густая, седеющая борода, заплетённая в две косы, в которые были вплетены медные бубенцы. При каждом слове они тихо позвякивали.

— Я... — голос Алекса был чужим. Хриплым, прокуреным, привыкшим перекрикивать шум. — Я не...

— Вот и ладу, — перебила его гора, бухая на липкий стол огромную оловянную кружку, от которой поднимался густой ячменный пар. — А то я уж думал, ты дух испустил прямо в мою смену. Золото на стол.

Рука Алекса сама, без участия мозга, нырнула в кошель на поясе. Пальцы нащупали тяжёлый кругляш. Он бросил его на столешницу. Раздался глухой, приятный звон. Боро-

дач сгрёб монету волосатой лапой, попробовал её на зуб, удовлетворенно крикнул и, развернувшись, исчез в клубах сизого дыма.

Только теперь Алекс позволил себе по-настоящему вдохнуть.

Он находился в трактире. Огромном, шумном, пропахшем потом и дешёвой стряпней. Низкий потолок подпирали массивные дубовые столбы, почерневшие от времени и копоти. В центре зала, в огромном открытом очаге, ревело пламя. Настоящее, живое, с треском пожирающее целые бревна. Тепло от него волнами расходилось по помещению, заставляя потеть под плотной туникой.

Над огнём на огромном железном вертеле жарилась целая туша кабана. Жир капал на угли, взрываясь снопами искр.

Люди. Их здесь были десятки. За длинными столами, приставленными друг к другу, сидели наёмники в помятых кирасах, угрюмые крестьяне из окрестных деревень, пара странствующих монахов в серых рясах и шумная компания торговцев, громко спорящих о ценах на шерсть. Воздух был синим от табачного дыма, который курили из длинных глиняных трубок.

Это была империя Риверсноу. Знание пришло само, как всплывает утопленник. Оно не было воспоминанием в привычном смысле. Оно было частью крови, текущей в его венах. Он знал название этой страны, знал, что за окнами трактира сейчас глубокая осень, а река Сноу, давшая имя импе-

рии, уже начала покрываться первой, хрупкой коркой льда у берегов. Знал, что столица, Ледяной Предел, находится в трёх днях пути отсюда.

Но он не знал, как его зовут.

В этом воспоминании у него не было имени «Алекс». Пытаясь обратиться к себе мысленно, он натёкался на глухую стену. Был просто «я». Человек, сидящий за липким столом с кружкой эля.

Сделал глоток. Напиток оказался густым, сладковатым и невероятно крепким. Алкоголь ударил в голову мгновенно, тёплой волной, смывая остатки липкого ужаса от фиолетового плато. Алекс перевел взгляд на свои руки, лежащие на столе. Пальцы слегка подрагивали. Он с силой сжал их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогла сфокусироваться.

«Это всё ещё сон, — попытался убедить он себя. — Кома. Или Смотритель порога накачал меня какой-то дрянью. Это просто очень детальная галлюцинация».

Но теория галлюцинации трещала по швам. Слишком много деталей, раздражителей. Он чувствовал, как шерстяная туника колет шею, как от соседа по столу, здорового детины с перебитым носом, несёт чесноком и немытым телом так, что слезятся глаза. Слышал, как за соседним столом кто-то фальшиво, но очень громко наигрывает на расстроенной лютне похабную балладу о вдове и мельнике.

Слишком реально для сна. Он заставил себя поднять го-

лову и осмотреть зал. Искать зацепки. Искать аномалии.

Люди пили, ели, смеялись, ссорились. Обычный вечер в придорожном трактире «Свинья и Серп». Название тоже всплыло в памяти само собой, вместе с пониманием, что это заведение славится на весь тракт самым разбавленным элем и самыми драчливыми вышибалами.

И тут он увидел её. Она стояла у дальнего конца стойки, балансируя на ладони правой руки тяжёлым деревянным подносом, уставленным кружками. Левая рука была свободна.

Анабель. Имя вспыхнуло в сознании не как воспоминание, а как физический факт, такой же неоспоримый, как огонь в очаге. Анабель. Не Бланш из его обрывочных видений. Анабель.

Она была совсем юной. Лет семнадцати, может, восемнадцати на вид. На ней было простое платье из некрашеного льна, поверх которого был надет грязный передник. Выгоревшие на солнце волосы цвета спелой пшеницы были небрежно скручены в узел на затылке, но несколько прядей выбились и прилипли к влажной от кухонного жара шее.

Она не шла — она танцевала.

В этом аду из пьяных выкриков, звона посуды и густого дыма она двигалась с грацией дикой кошки. Вот она ставит кружку перед краснолицым торговцем. Тот пытается игриво шлепнуть её по задку. Анабель даже не сбивается с шага. Она делает едва уловимый пируэт, пропуская его лапу мимо, и с

ослепительной, беззаботной улыбкой говорит что-то. Торговец, секунду назад собиравшийся рыкнуть, вдруг заливается глупым смехом и сам протягивает ей монету.

Она ловко поймала её на лету, забросила в карман передника и скользнула дальше.

Её руки. Алекс не мог оторвать от них глаз. Они были в ссадинах и ожогах от кипятка, кожа на ладонях загрубела, но каждое её движение было наполнено жизнью. Она была воплощением движения. Пока весь трактир тонул в пьяной статике, она была чистым вектором.

Она остановилась у очага, чтобы поставить пустой поднос на дубовую перекладину. Пламя очага подсветило её фигуру сзади, превратив выбившиеся пряди в золотой ореол. Запрокинула голову, откидывая волосы со лба, и рассмеялась. Смеялась над чем-то, что сказал ей поварёнок — тощий мальчишка с перепачканным сажей лицом. Но этот смех...

Для Алекса, привыкшего к натужным, корпоративным смешкам коллег над несмешными шутками начальника, к звону ложечек в дешёвых кофейнях и гулу кондиционеров, этот звук стал физическим ударом.

Это был самый тёплый звук в мире.

В нём не было ни капли фальши. Он был густым, как мёд, звонким, как весенняя капель, и в нём звенела такая чистая, незамутненная радость жизни, что у Алекса перехватило дыхание. Он вдруг понял, что сидит с открытым ртом, таращась на неё, как деревенский дурачок на ярмарочного жонглера.

Анабель повернула голову. Их взгляды встретились через весь зал, сквозь дым, пьяный гул и треск поленьев. Время споткнулось.

Гул трактира мгновенно превратился в фоновый белый шум. Алекс перестал чувствовать запах лука и пота. Он вообще перестал чувствовать своё тело. Остались только её глаза. Огромные, цвета тёмного лесного ореха, в которых плясали золотые искры от огня.

Она смотрела на него всего долю секунды. Но в эту долю секунды мир сузился до точки. Она увидела, что он смотрит. И не отвела взгляд, как сделала бы любая служанка, поймав на себе тяжёлый взгляд наёмника. Задержала его. В её взгляде мелькнуло узнавание. Словно она ждала его. Словно он был единственным трезвым человеком в этом море безумия, и она наконец нашла родственную душу.

Затем она моргнула, её губы изогнулись в лёгкой, понимающей улыбке, и она отвернулась, подхватив новый поднос.

Алекс понял, что не дышит. Он судорожно втянул воздух, пахнувший теперь только ею — свежим сеном, яблоками и чем-то неуловимо цветочным, что никак не вязалось с дешёвым трактиром.

Он должен был встать, подойти, сказать ей что-то. Что-то невероятно остроумное, достойное её улыбки.

«Здравствуйте. Меня зовут...» Имя. У него всё ещё не было имени. «Я видел вас во сне». Безумие. «У вас самая тёплая улыбка в Риверсноу». Жалко.

Пока его мозг судорожно перебирал варианты, тело действовало само.

Он попытался подняться из-за стола. Деревянная скамья предательски скрипнула. Его правая нога, онемевшая от долгого сидения на одном месте, подкосилась. Он качнулся, пытаясь удержать равновесие, и взмахнул руками.

Его локоть тот самый, сбитый, покрытый свежей коркой с идеальной точностью, достойной лучшего бильярдного кия, врезался в основание стопки из трёх полных оловянных кружек, стоявших на краю соседнего стола.

Кружки полетели вниз. Первая ударилась о край столешницы и выплеснула половину своего содержимого прямо на колени краснолицему торговцу, который минуту назад получил отказ от Анабель.

Вторая, полная до краев, описала дугу и обрушилась на голову наёмнику с лютней. Третья, самая тяжёлая, полная тёмного, густого портера, направилась напрямик в грудь Анабель.

Всё произошло за одно мгновение. Алекс видел это в замедленном времени. Видел, как расширяются её ореховые глаза, как она перестаёт улыбаться, как её тело начинает рефлекторно отклоняться назад. Но законы физики были неумолимы. Олово тяжёлое. Портер липкий.

Кружка ударила её точно в центр груди, чуть ниже ключиц.

Анабель ахнула. Тёплый, густой поток тёмной жидкости

хлынул на её простое льняное платье. Ткань мгновенно потемнела, прилипая к коже. Несколько капель долетели до её лица. Она отступила на шаг, упёршись спиной в стойку, и выронила поднос. Пустые кружки с оглушительным грохотом посыпались на каменный пол.

Во всём трактире повисла тишина. Она длилась ровно один удар сердца.

— Ты! — взревел наёмник с лютней, тряся головой, с которой ручьями стекал эль. Его глаза налились кровью. Лютня жалобно хрустнула под его сапогом, когда он резко развернулся. — Слепая деревенщина! Ты испортил мою песню!

Краснолицый торговец, вскакивая, опрокинул свой стол. — Ты! — взвизгнул он, брызгая слюной. — Ты заплатишь за мой эль и за мой стыд!

Алекс стоял, парализованный ужасом. Он смотрел на Анабель. Она тяжело дышала. Её грудь вздымалась под мокрой тканью. Она смотрела не на торговца и не на наемника. Она смотрела прямо на него.

И она смеялась.

Сначала это был тихий, дрожащий смешок. Она прикрыла рот испачканной в эле ладонью. Затем смех прорвался наружу. Она хохотала, запрокинув голову, и по её щекам текли слезы — то ли от боли (удар кружкой был нешуточным), то ли от абсолютного, незамутненного веселья.

Этот смех разрезал сгущающуюся в зале ярость, как нож разрезает масло.

— Боги, — выдохнула она, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Ты это нарочно, да? Решил объявить о своём прибытии на весь тракт?

Наемник с лютней, уже начавший подниматься, замер с занесённым кулаком. Торговец осекся на полуслове. Весь трактир смотрел на смеющуюся девушку, с которой ручьями стекает пиво, и на бледного, как полотно, парня, всё ещё сжимающего в руке пустую кружку.

Напряжение, готовое взорваться поножовщиной, лопнуло. Кто-то в углу неуверенно хихикнул. За ним кто-то ещё. Через секунду уже половина зала гоготала, хлопая себя по коленям. Ситуация — здоровенный детина, решивший представиться девушке путём затопления её и половины зала была слишком нелепой, чтобы быть поводом для драки.

Анабель шагнула вперёд. Она подошла к столу Алекса, оставляя за собой на полу мокрые следы. Вблизи она казалась ещё меньше и изящнее. От неё пахло теперь не яблоками, а хмелем и мокрым зерном.

— Ты в порядке? — глупо спросил Алекс. Язык всё ещё плохо слушался.

— Я-то? — она театрально оглядела свою безнадежно испорченную тунику. — Я теперь самая ароматная девушка в Риверсноу. Мыши в подполе будут в восторге. А вот тебе, кажется, не поздоровится.

Она кивнула в сторону стола, за которым сидели люди торговца. Они всё ещё ворчали, но уже скорее для порядка.

— У тебя есть имя, герой? — спросила Анабель, наклоняясь и поднимая с пола одну из уцелевших кружек.

Имя.

Алекс открыл рот. В памяти по-прежнему была пустота. Но паники не было. Впервые с момента пробуждения в каменной комнате липкий страх исчез. Рядом с ней он чувствовал себя... правильным. Даже если он только что опозорился на весь тракт.

— Меня зовут... — он сглотнул. — Меня зовут Алекс.

Имя прозвучало чужеродно в этом мире солёных бород и кожаных ремней. Но Анабель лишь кивнула, как будто ждала именно его.

— Алекс, — повторила она, пробуя имя на вкус. В её ореховых глазах всё ещё плясали чёртики. — Звучит как имя человека, который должен платить за чужие кружки.

Она протянула ему пустую оловянную ёмкость.

— Держи. Раз уж начал войну, будь добр, сходи к стойке. Скажи Гарту, что Анабель требует компенсацию за моральный ущерб. Скажи, что я хочу не эль, а их прошлогодний яблочный сидр. Он сладкий.

Она смотрела на него, ожидая. Не звала вышибал, не жаловалась. Принимала хаос, который он принёс, и превращала его в игру.

Алекс взял кружку. Их пальцы соприкоснулись.

Её рука была горячее. Обжигаете горячее по сравнению с его ледяными пальцами. От этого касания по его пред-

плечью пробежал электрический разряд, ударивший прямо в грудь. Это было похоже на тот удар пламени от двойника на плато, только вместо выжигания памяти этот огонь что-то создавал. Что-то новое, хрупкое и невероятно ценное.

— Сидр, — повторил Алекс, не узнавая собственного голоса. — Прошлогодний.

— И скажи, что если он зажмёт, я расскажу его жене, кто на прошлой неделе купил те кружевные панталоны в порту, — шепнула Анабель, наклоняясь совсем близко. Её дыхание коснулось его щеки. — Он знает, о чём я.

Она подмигнула и, развернувшись, лёгкой, танцующей походкой направилась в сторону кухни, стягивая на ходу мокрый передник.

Алекс смотрел ей вслед, пока она не скрылась за тяжёлой дубовой дверью. Только когда её фигура исчезла, он понял, что всё это время не дышал.

Он опустил взгляд на кружку в своей руке. Руки больше не дрожали.

— Ну что, герой, застрял? — прогудел над ухом всё тот же бородач-вышибала Гарт. Он возник рядом бесшумно, как медведь-шатун. — Сидр для девчонки. Полцены, раз уж ты устроил ей купание за счёт заведения.

Алекс посмотрел на огромного Гарта. В любой другой ситуации он бы сжался, попытался слиться со стеной. Но сейчас, согретый её смехом, он выпрямился.

— Полцены? — переспросил он, и в его голосе зазвучали

новые, незнакомые ему самому стальные нотки. — Гарт, передай этой девушке, что за такой смех я куплю ей весь твой погреб. И новую тунику.

Он положил на липкий стол три монеты вместо одной. Гарт посмотрел на золото, затем на Алекса. Его густые брови поползли вверх, скрываясь под козырьком кожаной повязки. Он хмыкнул, сгрёб монеты и тяжело потопал к стойке.

Алекс остался стоять посреди зала. Вокруг снова гудели голоса, стучали кружки, визжала расстроенная лютня. Но теперь этот шум не давил. Он стал фоном. Впервые за всё время пребывания в этом воспоминании посмотрел на свои руки не как на улику, а как на инструмент. Пальцы всё ещё хранили тепло её прикосновения.

Он влюбился.

Это не было метафорой или поэтическим преувеличением. Стоя в дымном, грязном трактире «Свинья и Серп», пахнувший пролитым элем и чужим потом, Алекс понял, что его сердце только что совершило прыжок в бездну. Он не знал, кто он такой. Не знал, откуда пришёл и куда идёт. У него не было прошлого.

Но у него появилось будущее. И оно пахло яблоками, сидром и смехом девушки по имени Анабель.

Гарт вернулся, тяжело бухая на стол две запотевшие глиняные кружки.

— Она сказала, что ты либо блаженный, либо самый удачливый дурак, которого она видела, — пробасил вышибала.

— И велела передать, что если ты прольёшь и это, она выльет остатки тебе на голову. Вместе с кружкой.

Алекс взял одну из кружек. Сладкий, густой аромат яблок ударил в нос, перебивая вонь трактира.

— Я постараюсь оправдать её ожидания, — серьёзно ответил он.

Сделал глоток. Сидр был терпким, холодным и невероятно вкусным.

В этот момент тяжёлая дубовая дверь кухни распахнулась. Анабель вышла оттуда. На ней было сухое платье — такое же простое, но чистое. Она несла новый поднос, на котором стояли две кружки. Она искала его глазами в толпе.

Их взгляды снова встретились.

Она улыбнулась. Той самой, первой улыбкой, от которой у него перехватило дыхание час назад или целую жизнь назад, в каменной комнате. Алекс почувствовал, как его губы сами растягиваются в ответной улыбке. Он поднял свою кружку с сидром в молчаливом приветствии.

Это была точка невозврата. Фиолетовое плато, Смотритель порога, двойник с лицом из пепла — всё это отступило, стало блеклым сном. Реальностью была только эта комната, этот яблочный сидр и девушка, которая только что спасла его от самого себя, даже не зная об этом.

Он сделал ещё один шаг вглубь этого воспоминания, окончательно стирая из своей крови офисную пыль. Впереди была целая жизнь, пахнувшая хмелем и свободой. И он был

готов выпить её до дна.

Сидр развязал язык не только ему, но и всему трактиру. Спустя полчаса после «купания» Анабель трактир «Свинья и Серп» гудел растревоженным ульем, и центром этого хаоса был стол в углу, за которым Алекс чувствовал себя королём.

Золото, брошенное им на стойку, сработало лучше любого пропуска. Гарт, огромный вышибала, теперь стоял у их стола не как страж порядка, а как личный охранник. Он отгонял пьяных матросов, пытавшихся присесть на лавку рядом с Анабель, одним лишь движением своих кустистых бровей.

— ...и тогда я ему говорю: «Если твоя кобыла стоит дешевле моего меча, то спи с ней сам, а я поеду на телеге!», — закончил бородатый наёмник за соседним столом очередную байку и гулко захохотал, хлопая себя по коленям.

Его смех подхватили остальные. Алекс тоже улыбнулся, хотя половину из рассказанного не понял — местный сленг всё ещё казался ему птичьим щебетом. Но атмосфера заразного, бесшабашного веселья затягивала.

Анабель сидела напротив. Она больше не работала. Гарт, получив от Алекса ещё пару монет «за беспокойство», лично подошёл к кухарке и что-то рыкнул ей в ухо. Женщина, похожая на старую, потрескавшуюся бочку, лишь кивнула, вытерла руки о грязный фартук и сама встала разливать эль. Анабель же была официально освобождена от службы.

Она пила свой сидр маленькими глотками, грела озябшие пальцы о тёплую глину кружки и смотрела на Алекса. Этот

взгляд был опаснее любого клинка. Он не был тяжёлым или оценивающим. Он был любопытным. Так энтомолог смотрит на редкую, диковинную бабочку, залетевшую в его сачок.

— Ты странный, Алекс, — наконец сказала она, когда шум за соседним столом немного утих. Она наклонила голову набок. Её пшеничные волосы, высохшие, но всё ещё влажные на кончиках, качнулись. — Сидишь прямо. Пьёшь, как лорд на приёме — двумя пальцами за ручку, а не из горла. Говоришь чисто, без этого... — она неопределенно pokrутила рукой, — деревенского рыка. Одежду тебе кто-то сшил по мерке, но ты носишь её так, будто надел чужую шкуру.

Алекс поперхнулся сидром. Он действительно сидел, выпрямив спину, в то время как всё вокруг нависали над столами, подобно вопросительным знакам. Привычка двенадцати лет за офисным столом оказалась сильнее амнезии.

— Я... много читал, — выпалил он первое, что пришло в голову.

Это была ложь, которая почему-то ощущалась как правда.

— Читать? — Анабель фыркнула, но в её глазах не было насмешки, только искреннее изумление. — Ты что, клирик? Или сынок писаря? Книги — это для тех, у кого в карманах дыра, а в голове сквозняк. Нормальные люди живут.

— Я хочу жить, — тихо, но очень твёрдо сказал Алекс. — Я просто... забыл, как.

Он не собирался этого говорить. Слова вырвались сами, пробив плотину осторожности, которую он выстраивал с мо-

мента пробуждения. Но с ней лгать было физически невозможно. Её ореховые глаза, казалось, видели его насквозь, просвечивали до костей, до того самого фиолетового пламени, которое двойник вогнал ему в грудь.

Улыбка Анабель медленно угасла. Смехинки в её глазах сменились чем-то глубоким, тёмным и очень взрослым. Она подалась вперёд через стол. От неё пахло яблоками и дымом.

— Забыл? — переспросила она почти шепотом. — Или спрятал?

— Я очнулся в лесу, — продолжил Алекс, глядя на её пальцы, лежащие на кружке. — Три дня назад. Не помню ничего до того момента, как открыл глаза под дубом. Ни имени, ни дома. Только... — он запнулся, подбирая слово, которое не выдало бы его с головой, — только чувство, что я всё делаю не так.

Анабель молчала долго. Секунды тянулись, как смола. За это время трактир успел прожить целую жизнь: кто-то начал драку в углу (Гарт мгновенно вышвырнул драчунов на улицу вместе с их табуретами), кто-то затянул тоскливую песню о неверной жене, а огонь в очаге с треском обрушил прогоревшее полено.

— Три дня, — наконец повторила она. — И ты уже здесь. — Это плохо? — спросил Алекс.

— Это быстро, — она откинулась на спинку скамьи, скрестив руки на груди. Теперь она смотрела на него не как энтомолог, а как охотник, оценивающий следы зверя. — Лес

большой. И дурной. Там, у Кривого дуба, где ты очнулся, земля до сих пор фонит старой магией. Лет пятьдесят назад там стоял алтарь какого-то забытого бога крови. Люди пропадали в том лесу целыми деревнями. А ты вышел. Целый. Почти.

— Почти?

— У тебя пустота внутри, — она постучала себя пальцем по виску. — Я вижу. Ты смотришь на людей, но не видишь их. Ты смотришь на огонь, но не чувствуешь его тепла, пока не обожжешься. Ты как... как новый кувшин. Пустой, чистый и гулкий.

Её диагноз ударил точнее любого кулака. «Пустой, чистый и гулкий». Это было идеальное описание того, что Смотритель порога назвал «чистым листом».

— Ты поэтому не испугалась, когда я устроил потоп? — спросил Алекс, пытаясь перевести тему. Ему не хотелось, чтобы она сейчас ушла, сославшись на головную боль или усталость. Ему нужно было слышать её голос.

Анабель снова улыбнулась, и темнота в её глазах сменилась привычным золотом.

— Я испугалась, — призналась она. — За сидр. Его варят всего раз в год, по секретному рецепту старой Марты. А ты чуть не оставил империю без стратегического запаса.

Она сделала большой глоток.

— А если серьёзно... — она понизила голос до интимного, бархатного шепота. — Я видела страх. Настоящий. Муж-

чины бояться смерти, побоев, бедности. Твой страх другой. Ты боишься самого себя. Боишься того, что можешь вспомнить.

Она попала в точку с такой пугающей точностью, что у Алекса перехватило дыхание. Она была права. Он цеплялся за пустоту своей амнезии, как утопающий за бревно. Потому что где-то в глубине души он знал: то, что он забыл, было достаточно ужасным, чтобы заставить его бежать в каменный мешок к Смотрителю.

— Может, и так, — прохрипел он.

— Не бойся, — Анабель неожиданно протянула руку через стол и накрыла его ладонь своей. Её прикосновение было уверенным и тёплым. — Здесь, в Риверсноу, прошлое — это просто плохая погода. Она либо проходит, либо к ней приывают. Главное, что ты здесь. И ты купил мне сидр.

Её ладонь была мозолистой, но пальцы длинными и изящными. Алекс боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть это мгновение.

— Я бы купил тебе всё золото этого трактира, — искренне сказал он.

— Золото тяжёлое, — фыркнула она, но руку не убрала. — От него болит спина. Лучше купи мне...

Она не договорила. Дверь трактира с грохотом распахнулась.

В зал ворвался ледяной осенний ветер, задув половину свечей на столах и заставив пламя в очаге испуганно при-

жаться к углям. Вместе с ветром в «Свинью и Серп» вошли они.

Пятеро.

Впереди шёл человек, который, казалось, занимал собой всё пространство. Он был огромен, даже шире Гарта, но если Гарт был похож на гору, то этот на ожившую скалу. Его кожа имела странный, землистый оттенок, а из-под тяжёлых стальных наплечников виднелась кольчуга, сплетённая из чёрного металла. На поясе висел двуручный меч, лезвие которого не отражало свет, а, наоборот, поглощало его.

За ним шли четверо. Они были одеты в одинаковые серые плащи с капюшонами, надвинутыми на лица, но походка выдавала в них хищников. Они двигались синхронно, как части одного механизма.

Трактир замер. Песня оборвалась на полуслове. Звон кружек прекратился. Даже пьяный торговец, только что собиравшийся жаловаться на Алекса, медленно сполз под стол, стараясь не дышать.

Гарт, стоявший у их стола, напрягся. Его рука медленно поползла к короткой дубинке на поясе.

Человек-скала обвёл зал тяжёлым, немигающим взглядом. Его глаза были абсолютно чёрными, без белков. Когда его взгляд скользнул по Алексу, тому показалось, что на грудь положили могильную плиту.

— Мы ищем человека, — голос скалы был подобен скрежету камней. — Он пришёл со стороны Кривого дуба. Три

дня назад. У него пустые глаза и чужая одежда.

Анабель не убрала руку. Наоборот, её пальцы сжались на запястье Алекса с такой силой, что стало больно. Но она не смотрела на вошедших. Она смотрела на Алекса. В её ореховых глазах больше не было золота. Только холодный, чёрный ужас.

— Здесь много людей со стороны Кривого дуба, — хрипло ответил Гарт, делая шаг вперёд и заслоняя собой их стол. — Трактир общий.

Человек-скала медленно повернул голову. Его шея издала звук трения наждака о дерево.

— Общий, — согласился он. — Но не для Пепельных Гончих.

Один из людей в сером сделал шаг в сторону. Ламповый свет упал на его лицо, и Алекс увидел на серой ткани плаща вышитый знак: чёрный пепельный круг с тремя трещинами.

Это был не просто отряд наёмников. Это была инквизиция. Или что-то гораздо хуже.

— Отдайте нам пустого, — проскрежетал скала. — И мы уйдем. Оставьте его себе, и мы заберём весь трактир. По кирпичику.

В зале повисла мёртвая тишина. Алекс чувствовал, как по спине течёт холодный пот. Его узнали. Искали. И те, кто его искал, несли с собой запах горелой плоти и абсолютного, бюрократического равнодушия.

— Я не знаю, о ком вы, — начал Гарт, но договорить не

успел.

Анабель вскочила. Её движение было молниеносным. Она одним рывком оказалась на ногах, опрокидывая свою скамью. Глиняная кружка с остатками сидра полетела на пол и разбилась вдребезги.

— Вы ошиблись, — звонко, перекрывая тишину, сказала она. Встала перед столом, плечом к плечу с Гартом, закрывая Алекса своим хрупким телом. — Мой отец — староста деревни в трёх милях отсюда. Мы приехали продать урожай. Этот парень, — она ткнула пальцем в сторону Алекса, — подсел к нам час назад. Он пьян, как сапожник, несёт бред про каких-то двойников и фиолетовое небо. Мы его впервые видим.

Она говорила быстро, уверенно, глядя прямо в чёрные глаза человека-скалы. Ни один мускул на её лице не дрогнул. Она лгала. Лгала вдохновенно, нагло и абсолютно профессионально.

Алекс смотрел на неё, открыв рот. Девушка, которая пять минут назад рассуждала о книгах и пустоте, сейчас играла роль деревенской простушки, защищающей пьяного соседа, с мастерством королевской актрисы.

Человек-скала перевёл свой мёртвый взгляд на Анабель. Он смотрел на неё долго, изучающе. Алекс физически чувствовал, как этот взгляд ощупывает её, ищет фальшь и страх.

— Староста, — проскрежетал скала. — Из какой деревни?

— Каменка, — не моргнув глазом, выпалила Анабель.

Алекс похолодел. Каменка сгорела дотла три года назад во время мора. Об этом знали все в радиусе ста миль.

Но человек-скала, видимо, не интересовался местной демографией.

— Каменка, — повторил он. — Далековато для продажи урожая.

— Яблоки в этом году уродились, — парировала Анабель. — А в Ледяном Пределе за них дают двойную цену. Мы рискнули.

Она сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию. Это было безумием. Шагнуть к Гончим было всё равно что сунуть руку в пасть медведю.

— А теперь, если вы закончили пугать добрых людей, — её голос стал ледяным, — не купите ли у нас бочонок? С хорошей скидкой. А то стоять тут холодно, а у моего отца радикулит.

Она улыбнулась. Той самой, первой улыбкой, от которой у Алекса подкашивались колени. Но сейчас в этой улыбке была сталь.

Человек-скала моргнул. Это было настолько человеческое, настолько неуместное движение для его каменной физиономии, что по трактиру пронёсся общий, едва слышный вздох.

Он смотрел на её улыбку ещё секунду. Затем его губы дрогнули в подобии усмешки.

— Яблоки, — повторил он. — Двойная цена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.